

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № XLIII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Второй отрывокъ изъ новаго Романа (*).

ЧАСТЬ I. ГЛАВА IV.

Кто тайнства природы разгадаетъ?
Несчастливая разсудка лишена;
А прежде всѣхъ все видѣтъ и все знаетъ,
И гдѣ бѣда, тамъ первая она.

Раннимъ утромъ, 8-го Полября, поворотъ съ большой почтовой дороги на проселочную, пройка прекрасныхъ заводскихъ лошадей тащила большія крытые сани на длинную и высокую гору.

На козлахъ сидѣлъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, широкій въ плечахъ, съ черною окладистой бородою, на

(*) Первый напечатанъ въ 19 и 20 книжкахъ С. О. и С. А. нынѣшняго года.

которой, какъ на драгоценномъ соболя, проглядывали сѣдые волосы.

На немъ былъ синій суконный тулупъ, подпоясанный краснымъ спамеднымъ кушакомъ, а на головѣ черная плисовая шапка съ бобровымъ околышемъ была на бекрень надѣта.

Лошади шли самымъ тихимъ шагомъ; колокольчикъ чухъ-чухъ позвякивалъ; ямщикъ мурлыкалъ пѣсню, изрѣдка посвистывалъ и погонялъ лошадей, которыя загорѣлись и наконецъ спали.

„Тфу пропасть! Совсѣмъ залягулись! Слыханное ли дѣло: около Филипова заговѣнья ни клова снѣгу!“ сказалъ ямщикъ. — Онъ снялъ шапку, вынулъ изъ нея желтый Татарскій плапокъ, обтеръ лобъ и усы, и отряхнулся, отъ чего черные, густые его волосы красиво размахнулись.

Когда лошади отдохнули, онъ надѣлъ шапку и ударилъ по нимъ, прикрикивая: „Гей-ну, дружки, разомъ! Ну, ну, голубчики! Ты буланой, что задумался? Эй-вы, соколики, дружище!...“

„Не лучше ли намъ сойши, милой мой другъ?“ спросилъ молодой человекъ, который до сихъ поръ молчалъ и лежалъ въ санихъ, завернувшись въ большую яноповую шубу.

„Да, баричъ! не худо бы; вишь кони-то больно припошлы; а я не смѣлъ тебѣ объ этомъ молвить.“

„Опъ чего же не смѣшь?“ сказала молодой человекъ, выскочивши изъ саней. „Ахъ, Боже мой. Совсѣмъ голая земля, а я и не примѣтилъ.“

„Да видно започивалъ, бапюшка! Не что, дѣло молодое!“

„Нѣтъ, мой другъ, я думалъ . . . да, можетъ быть, я и задремалъ,“ оправчалъ молодой человекъ, покраснѣвши. „Какъ жарко! Точное лѣто! . . .“

Онъ снялъ шубу, бросилъ ее въ сани, и сукопный Черкесскій кафтанъ, коричневаго цвѣта, обширный голубою шелковою песемочкою съ серебромъ, и сплнутый сафьяннымъ полякомъ, отрисовалъ тонкій и величественный спанъ его.

На немъ были малиновые шаравары изъ толстой шелковой ткани, а на головѣ казалась наброшенною на одну сторону зеленая бархатная кабардинка, изъ-подъ которой свѣплорусые, блестящіе его волосы вились въ золотыя кольца. На спальной Англійской цѣпочкѣ, перекинутой черезъ плечо, надѣшны были лорнеть и маленькіе осыпанные жемчугами часы съ финифтью, которые были спрятаны въ кармашекъ, нашитый сверхъ кафтана.

Въ то время многіе молодые люди, которые не были еще въ службѣ, любили одѣваться по-Черкесски, особливо въ дорогу.

Молодой человѣкъ былъ самага большаго роста и необыкновенно пріятной наружности. Былъ, нѣженъ; выступающій на щекахъ его румянецъ, обнаруживая сильныя чувства, часто, нескромностію своею, измѣнялъ его тайнамъ. Носъ у него былъ довольно правильный; брови и рѣсницы почти черныя; большіе синіе глаза, всегда нѣсколько прищуренные, что придавало имъ очаровательную прелесть, а улыбка на розовыхъ устахъ его, открывая прекрасныя бѣлыя зубы, выражала презрѣніе ко всему низкому.

„Нечего дѣлать! Придется завернуть на Берсеневскій хуторъ,“ ворчалъ про себя извощикъ.

„Что ты сказалъ, мой другъ?“ спросилъ молодой человѣкъ, идучи съ нимъ рядомъ.

„На дворѣ-то, сударь, раненько; отъ тебя пахнетъ нечего; баринъ ты добрый.... И покраснѣлъ, бабюшка!“ примолвилъ ямщикъ, разсмѣявшись: „что твоя барышня иная!“

„Какъ же не покраснѣть, когда ты, не знаяши меня, хвалишь.“

„Не знаяши?“ повпорилъ ямщикъ. — „Вѣ-

спимо! Тебѣ не въ память, какъ я тебя маленькаго везъ, да наблюдалъ.“

„Откуда же ты везъ меня?“ спросилъ молодой человѣкъ съ живостію, и заглянулъ въ лице ямщику, который смѣшался, отъ чего юноша покраснѣлъ еще болѣе.

„Не застѣ-ка баринъ! Эхъ ма! Сѣропѣгій переступилъ постромку! Ну, что ты пятаешься?“ сказалъ онъ, хмыснувши лошадей по ногамъ.

„Что жъ ты не отвѣчаешь мнѣ, другъ мой?“

„Постой-ка, батюшка!“ говорилъ извозчикъ, почесывая запылокъ и обглядывая лошадей. „Кажись, на чалой супонь распянулась. Экая кручь! Того и гляди, что вся сбруя перепоршится!“

Молодой человѣкъ горько улыбнулся и замолчалъ. „Неужели я никогда не узнаю... этой тайны?...“ подумалъ онъ, и казалось, что въ сію минуту вся душа его слилась съ этою одною мыслию.

Поднявшись между тѣмъ на гору, ямщикъ сѣлъ на козлы и опять заговорилъ.

„Такъ ты не изволишь поминуть, какъ я тебя капывалъ?“

„Можетъ быть и вспомню,“ отвѣчалъ молодой человѣкъ разсѣянно, и опять задумался.

„Видно, батюшка, приходитъ на па-

мнѣ?“ спросилъ ямщикъ, немного помолчавши.

„Приходишь . . . да . . . не очень,“ отвѣчалъ молодой человѣкъ, думая совсѣмъ другое.

„Садись-ка, баринъ, да поѣдемъ поскорѣе.“

„Зачѣмъ же, мой другъ, мучить лошадей? Ты видишь, что совсѣмъ нѣтъ снѣгу.“

„Да по ровному-то мѣсту, кой чортъ имъ дѣется? Вотъ завернемъ на хупоръ, такъ отдохнута.“

„А развѣ нельзя не кормя доѣхать? Вѣдь кажется, ужъ близко.“

„Какъ бы не доѣхать? На экихъ соколахъ еще цѣлую станцію, не кормя, махнута можно. Да вѣдь я къ тому и рѣчь завелъ, что прежде указнаго срока появиться не смѣю. Изъ города-та мы съ тобой, баринъ, поторопились; анъ пора-та и не та приходится; у насъ же дворецкій, Боже упаси! Лишь бы къ чему придраться. . . .“

„Ахъ Боже мой! я готовъ ночевать на дорогѣ, лишь бы тебѣ за меня ничего не было,“ и лице молодаго человѣка вспыхнуло отъ негодованія.

„Экая ангельская душенька!“ говорилъ извожикъ сквозь слезы. „Что, если бы экаго милосливаго господина, за препертыя, намъ Богъ пожаловалъ!“

Мы не знаемъ, что произвело въ сердца

молодаго челоуѣка это желаніе. Онъ замолчалъ и вскочилъ на облучекъ; ямщикъ ударилъ по лошадамъ, и онъ въ мигъ очутился на Берсенеукомъ хуторѣ.

„Добро пожаловать, Никиша Артамоновичъ!“ говорила беззубая старуха, съ большимъ прудомъ распоряя ворота и непрестанно кашляя.

„Что жъ ты, бабушка, сама безпокоишься? Тебѣ не подъ лѣшы,“ сказалъ ямщикъ, соскочивъ съ козелъ, а молодой челоуѣкъ взялъ возжи.

„Гдѣ же швой Лукьянъ Агаѳоновичъ?“

„Да вѣчоръ, дружокъ, прѣхалъ поздневѣко съ дровами, такъ спитъ на печкѣ. Я еще и избы не запоплама, вѣдаешь, чѣмъ не измѣшаешь ему.“

„Ты экъ совсѣмъ его избалуешь, Аксинья Филимоновна!“

„Въсприми, поберегаю, родимой! Помаялся, да пошатался по чужой сторонущкѣ. Вѣры неймется, Никишушка! Слово онъ мнѣ во снѣ грѣзился!“

„А я привезъ къ вамъ Пиперскаго гостя,“ сказалъ Никиша, и шепнулъ еще что-то на ухо хозяйкѣ, указавъ на молодого челоуѣка.

„Экой молодецъ! Какъ раздобрылъ, да разросся! Кажись, давно ли опъ земли было

не видѣшь?“ говорила старуха, протирая глаза и разсматривая гостя, который между тѣмъ подъѣхалъ къ крыльцу, и, спрыгнувъ съ саней, спросилъ: „куда ишши, милая хозяйюшка?“

„А вотъ потчасъ, мое красное солнышко,“ отвѣчала Филимоновна, чуть двигаясь.

„Пулемъ дорогою!“ продолжала она, подошедши къ крыльцу и поклонясь гостю очень низко. „Сюда мой кормилецъ! Милости просимъ! Пользай-ка въ верхнюю избу; вишь, у насъ въ низу-то скопинка.“

Старуха не успѣла еще окончить привѣтствія, какъ молодой человѣкъ давно взбѣжалъ уже на лѣстницу, и вошелъ въ чисто прибранную избушку.

Онъ сбросилъ съ себя кабардинку, сѣлъ за столъ, поджалъ руки и снова погрузился въ размышленіе.

Сколько сладостныхъ и грустныхъ воспоминаній, сколько очаровательныхъ надеждъ и горькихъ сомнѣній промелькнуло въ пылкомъ его воображеніи, и какъ много облетѣлъ онъ мысленно — пока дряхлая старуха указывала Никитѣ, гдѣ поставитъ лошадей и выдавала для нихъ кормъ, и пока наконецъ всползла, хопя не на высокую, но довольно крупную лѣстницу.

Войдя въ избу и еще поклонясь молодому

му человѣку, она прошла въ чуланъ, достала изъ судной лавки кринку сливокъ, покрытую деревянной тарелочкой, на которой лежали ломоть хлѣба и оловянная ложка, и поставила все это на столъ передъ гостемъ.

„Покушай, мой родимой!“ говорила Филимоновна: „я чай, съ дорожки прогладаться изволилъ? Только что высоконецъ, а ни уса, ни бороды; видно, что еще дѣтское дѣло,“ приговорила она, погляды изъ-подъ руки на гостя.

„Я, бабушка, ѣсть не спану, пока ты со мною не сядешь.“

„А вотъ дай-ка справишься, мой соколикъ! Слава Богу, что на умъ вспало!“ отвѣчала хозяйка, задыхаясь отъ дряхлости и придерживаясь одною рукою за столъ. Она открыла внизу стола дверцы, вынула оттуда съ чѣмъ-то фаянсовую тарелочку, поставила ее также на столъ, и продолжала подчивать молодого человѣка.

„Не безпокойся, Аксинья Филимоновна! Я буду ѣсть и безъ подчиванья,“ сказалъ онъ разсмѣявшись, и посадилъ возлѣ себя спаруху. „Неужели ты это сама спряпаешь?“

„Нѣтъ, мой красавецъ! куда-те! мнѣ и не расчихать, что это такое?“

„Прекрасные слоеные пирожки съ вареньемъ! Скажи-ка, Аксинья Филимоновна, откуда ты ихъ достала?“

„Вѣдь я думаю, ты въ городъ-то слышалъ, кормилецъ, что сего дня пиръ въ Михайловскомъ? Госпей, бають, видимо невидимо названо. Дочку-та нашъ баринъ вишь совѣмъ беретъ изъ Воротникова.“ При сихъ словахъ мрачность, замѣченная нами на лицѣ молодаго чловѣка, исчезла, и живое чувство радости блеснуло въ глазахъ его.

„А повивальную-та бабушку Фимасьевну ты не извоишь помнить? ... и не дождавшись моего вѣща, спаруха продолжала: „Она намъ въ сродствѣ причисляется. Ну, такъ вѣдаешь, ому нее живетъ внучекъ мой сиротинка: онъ вѣчоръ прибѣгалъ, да пересказывалъ, что где такой банкетъ припѣваютъ, да заготовляютъ! Въспомни родового и нахапаннаго дѣвашь нѣкуда, такъ что не пощипашься? Чужая печаль сердца не гложетъ.“

„Что ты сказала бабушка?“ спросилъ молодой чловѣкъ, который вслушался только въ послѣднія слова хозяйки.

„Нѣтъ, кормилецъ, я говорю... что мальчишка-та и намъ кое-что припащилъ; анъ вотъ и пригодилось. Спасибо, что Понедѣльникъ вчера лучилъ, а то бы не въ коня кормъ попрашила.“

„А что баринъ, сколько часовъ банюшка?“ спросилъ ямщикъ, который, убравши лошадей, вошелъ въ избу.

„Половина осьмага,“ отвѣчалъ молодой человекъ, взглянувши на часы.“

„Осьмага половина! Изволишь видѣть, какъ еще рано! А ты Аксинья Филимоновна погоди запоплянь печку: барину въ поддымки не высиѣшь; вѣдь онъ десять лѣтъ выжмъ въ Пшперѣ безъ выѣзду. Я чай, батюшка, и забылъ объ черныхъ-та избахъ?“

„Да, неужели мы еще долго здѣсь пробудемъ?“

„Нечего грѣха таить, баринъ: я раньше одиннадцати часовъ въ Михайловское лба показатъ не смѣю.“

„Не обезсудь, мой соколъ! И мнѣ пора запоплять избу: проворъ-по плохой; а поже праздникъ преспольный, надо кое-что приспирать.“

„Я вась помню, друзья мои! Аксинья Филимоновна пусть запоплаетъ печку; а ты, Никипа, отдохай, да корми лошадей. Я пойду пѣшкомъ.“

„Не устанешь ли батюшка? вѣдь еще версты съ чепыре осталось.“

„Ахъ Боже мой, далеко ли это? Я же такъ люблю ходить.“

„И вѣдомо! Теплынь же такая; да и до рога-та до самого сада пши все роцей.“

„Кажется..... никуда не поворачивать?“

„А вонъ въ концѣ-то поселка овражекъ

перейдешь; а по ту сторону, какъ изволишь подняться на изволокъ, пакъ за разъ и церковь на пригорочкѣ видна будетъ. Въ лѣво пойдетъ дорога на Вазерки, а прямо въ Михайловское. Да что? путь малой ребенокъ найдетъ! А вопъ какъ обо мнѣ-та, батюшка, сказать изволишь?“

„Я никому не покажусь, пока ты придешь; я буду ожидать тебя въ саду. Да вопъ бѣда: я чай, памъ теперь грязно?“

„Куда-те кормилецъ! Словно лѣтомъ все размешено, да расчищено,“ сказала Филимоновна.

„Неужели Степанъ Михайловичъ самъ гуляетъ зимой въ саду?“

„Вопъ! пойдетъ онъ! Есть у него опричь сада забавы, да потѣхи!“

„Тепушка Филимоновна, спаринная баясница! Смотри, не наскучь молодому барину своими росказнями,“ сказалъ ямщикъ, взлѣзая на палатки.

Благородное чело молодого человека снова помрачилось. „Терпѣть угнетеніе и прикрывать его ложью, вопъ участь эпихъ людей,“ подумалъ онъ. . . . И помолчавъ немного, спросилъ съ принужденною улыбкою: „кого же посылають размешать эпомъ садъ?“

„А вопъ эдакихъ старыхъ хрычовокъ, какъ моя, всю зиму въ саду морозятъ; да

живущи, что твои параканы!“ шупливо оп-
вѣчалъ, слѣзая съ печи, старикъ лѣтъ шестидесяти, довольно свѣжій, прямой, съ зачесанными назадъ сѣдыми волосами, съ бритою бородою, въ короткомъ полушубкѣ, на которомъ было нашито нѣсколько медалей. Выпнянувшись передъ гостемъ, онъ сказалъ твердымъ голосомъ: „Съ счастливымъ прїѣздомъ поздравляю, Ваше Благородіе!“

„Ахъ, служивый! Здравствуй, милой мой другъ! Вѣрно въ опуску?“

„Въ чистой, Ваше Благородіе!“

„Давно ли, мой другъ?“

„Да послѣ Шведскаго замиренія (много лѣтъ царствовать Ея Императорскому Величеству!) изволила мамушка приказать насъ уволить. Сподобилъ Царь небесный послужить Царицѣ земной и кровь пролить за Вѣру Православную и землю Русскую, и живо привелъ Господь принести косточки на родимую сторону. Никто, какъ Богъ, Ваше Благородіе!“

Молодаго человека пронуло такое простодушное усердіе заслуженнаго война, и онъ съ большимъ любопытствомъ спросилъ: „Гдѣ же ты бывалъ въ походахъ, господинъ служивый?“

„Да два раза ходилъ въ Туречину; былъ съ Графомъ Румянцовымъ подъ Кагу-

ломъ, а съ Суворовымъ на Измаильскомъ штурмѣ. Что Ваше Благородіе! Служба Царская не барщину чета! Матушка наша Екатерина Алексѣевна изволилъ знать, что на солдатской груди Царство сполнитъ; такъ и командиры солдата берегутъ да наблюдаютъ. А когда Богъ вѣку продлитъ, отслужилъ свой срокъ и пошелъ до смерти вольный казакъ; да и старушонку никто никуда нарядитъ не смѣетъ, а у господина пнаго подданный хуже собаки: вѣкъ служи, ничего не выслужишь. Скопину, Ваше Благородіе, скорѣе увольитъ, да упокоитъ, чѣмъ чловѣка! Майся до гробовой доски, да и только!“

На длинныхъ рѣсницахъ юноши заблиспали слезы, какъ мелкая осынь кругъ сняго лхонша. „Опъ чего же вы такъ огорчаесть, когда васъ отдають въ солдаты?“ спросилъ онъ.

„Живая-то разлука крушитъ, Ваше Благородіе!“

„А я такъ бы съ радостью пошелъ въ службу, хопя бы пришлось съ родными..... или съ пѣмъ, къ кому привыкъ, разскаватъся.“ И какая-то грусть опразилась въ чертахъ юноши.

„Осмѣлюсь доложить, Ваше Благородіе; это совсѣмъ другая разница. Наглядѣлся я, хопъ бы примѣромъ молвишь, на нашихъ

начальниковъ: къ нимъ письма словно пищицы, со всѣхъ сторонъ лепашутъ! Море не перечишь! А нашъ братъ: лишь только раскуютъ да лобъ забрѣютъ, какъ въ воду кануль! Только и радости, когда сродственники во снѣ пригрѣзятся!“

„Тридцать лѣтъ, кормилецъ, ни грамотки, ни вѣсточки отъ него не было!“

„Пуще всего горе беретъ,“ продолжалъ солдатъ: „когда нападутъ начальники, да не спросясь міра, отдадутъ не въ очередь.“

„Не-што, какъ тебя тогда за цыганскую харю скрутили, да заковали; а на бѣду прилучись рекрутчина, такъ и пропалъ за мапресу проклятую!“

„Да полно тебя перебивать, пепушка!“ закричалъ Никита: „хозяину мѣшаешь рассказывать, а барину слушать!“

Молодой человѣкъ улыбнулся и продолжалъ говорить съ хозяиномъ: „Однако жъ рекруты какъ-то скоро забываютъ свое горе.“

„Точно такъ, Ваше Благородіе! Рекрутъ гореванъ не смѣетъ; пьетъ съ шоски пѣсню, да причипаешь: молодую жену, малыхъ дѣтушекъ, а пуще всего родимую споронушку! А какъ повышлунутъ, да выправятъ, и начнешь привыкать къ шоварищамъ, такъ иной разъ съ ними и разсмѣешься. Живой могилы пѣтъ, Ваше Благородіе!“

„А вошь я слыхалъ, старинушка,“ говорилъ Никиша: „что солдаты войнѣ-то больно радуются; я такъ этому не вѣрю.“

„Что ты, Аршамоновичъ! Какъ не вѣрить? Когда побываешь на войнѣ, словно переродишься, а если Богъ велитъ разбить, да прогнать непріятеля, такъ на радостяхъ все забудешь! И съ сердца-то словно камень свалится, и въ головѣ-то пойдетъ все ужъ другое.“

„Вѣспими, что одурѣютъ, да остервемятся, какъ бѣшеные волки!“ ворчала спаруха.

„Я думаю, ты здѣсь никого не узналъ, какъ возвратился?“

„Да кромѣ спарухи, нѣкого было и узнавать, Ваше Благородіе: дочка родилась безъ меня, я и не зналъ объ ней....“

„Даромъ, что въ сиротствѣ выросла, молодница хоть въ ухо вдѣнь! И шу на барскій дворъ опшягали.... въ ключницы,“ сказала Филимоновна съ чванствомъ, и закашлялась.

„Ужъ замолчи, старая, да откашляйся порядкомъ! Вѣдь она меня гораздо старше, Ваше Благородіе! Меня еще мальчишкой женили по неволѣ, на вдовѣ....“

„Не пощачь, родимой!.... Ухъ! кашель какой... Не оспарокъ была тогда!.... Тебѣ

здоровье! жениховъ отбою не было! Охъ! удушенье замучило!“ Спаруха, задохнувшись, махнула рукой, а мужъ разсмѣялся и продолжалъ:

„И такъ, Ваше Благородіе, я сдѣлался хозяиномъ чужаго дома; возраспилъ чужаго сына“

„И сына и сноху безъ него похоронила! И избенка-та чуть, чуть не развалилась! Тридцать лѣтъ, мой родимый, кислое молоко въ городъ таскала, тѣмъ и кормилась!“

„А теперь, слава Богу, по милости Ея Сіапелства Марьи Васильевны.“ . . .

„Въ однучасье намъ домшко скрупила; и двухъ лошадокъ мапущка пожаловала, дай ей Богъ чего просить и молишь у Господа!“ говорила, крестясь, Филимоновна. „Впрямь, что Филаретъ милостивый!“

„Что же, Ваше Благородіе! какъ началъ я подходить къ хутору, свѣну Божьяго не взвидѣлъ: словно и поселокъ-то не пошь былъ, и все будто не на своемъ мѣстѣ стояло! Однако жъ свой-то дворишко призналъ; а ишли въ него не смѣю . . . Ребяпишекъ полна улица; дѣло-то было лѣпомъ. Хотѣлъ ихъ поспрошать: вмѣсто опивѣша, какъ закричашъ они: „Ай, бапюшки, солдашъ! солдашъ!“ да всѣ, какъ мелкая дробь, и разсыпались!“

„Вспримо, въ плащъ, да въ солдапскомъ снарядъ, и большой заботился.“

„Слы я, Ваше Благородіе, на заваленку у шабровой избы: кто ни выглянетъ, сей часъ опять захлопнетъ окошко; всѣ словно опъ звѣря прячутся а лица-то мнѣ все незнакомыя! Ахши, подумалъ я: ну, какъ старуха не въ живѣ, а пасынокъ по шеѣ съ двора сгонитъ, куда будетъ голову приклонитъ? Да такъ-то сгруснулось, Ваше Благородіе! такъ жаль стало товарищей, что хотъ бы опять на службу; такъ вотъ решивое-то и закипю!“

„Еще мало горя-то намыкался!“ пробормотала старуха съ досадою.

„Нечего грѣха таить,“ продолжалъ солдатъ. „Закрылся планчишкомъ, да ровно баба разрюмилась, а ребятишки опять вокругъ меня зашумѣли: — „Глянь-ка де, бабушка, какое диво: солдатъ плачетъ! Знаешь онъ не кусается?— Я взглянулъ, а она и спойтъ передо мною съ дойницею!“ Солдатъ не могъ удержатъ слезъ и замолчалъ.

„И дойница-та изъ рукъ полетѣла,“ говорила старуха, упираясь. „Повенькая была, о трехъ обручикахъ!“

„Девятого половина,“ сказалъ молодой человекъ, взглянувши на часы. „Прощайте, добрые люди! Я никогда васъ не забуду! Вотъ тебѣ, хозяйшка, за сливки.“..

„Что ты, кормилецъ, насъ позоришь?“

„За что такъ обижаешь бѣднаго отспав-
наго солдата, Ваше Благородіе!“

„Да за экой грѣхъ и коровушка молочка
давать не спанешь! Что ты это зафялъ,
мое красное солнышко?“

Молодой человѣкъ былъ до глубины души
распротанъ; не могъ сказать болѣе ни слова;
обнявъ хозяевъ и исчезъ какъ молнія, захлоп-
нувши дверь за собою.

„Экой соколъ ясный!“ говорила старуха,
глядя въ окно госпю въ слѣдъ. „Что же это,
хозяинъ, сердце-ша у меня къ нему больно
припало? Дивнись-ка, не будетъ ли чего? Вѣ-
щее-то въ жисть спросна не приляжетъ!“

„Кабы швоими устами медъ пилъ, Фи-
лимоновна!“ — сказалъ Никипаша.

„Въ военную бы эдакого молодичну,“ го-
ворилъ солдатъ, надевая очки и высовываясь
въ окошко: „цѣлый бы полкъ одинъ скрасилъ!“

„Да что полковашь, дядя Агаѳоновичъ!
шестерка изъ рукъ не вырвется!“ приба-
вилъ ямщикъ, подойдя также къ окошку.

„Глянь-ка, хозяинъ! я что-то плохо ви-
жу. Кажись, онъ пріостановился у овраж-
ка-ша?“

„Пущи-ка, спарал! Да! остано-
вился! . . . Эхъ, не догадались дощечку перебро-
сить! Я чай вода есть въ оврагъ?“

„Коли не бышь? Вѣдь всю ночь дождикъ лилъ, Лукьянъ Агаѳоновичъ!“

„Я побѣгу, Никипушка, да отнесу приворотню.“

„Куда-те, старинушка; я сбѣгаю... Да посмотри-ка,“ примолвилъ ямщикъ, расхохотавшись: „ужъ на той сторонѣ; ровно пшца перелестѣлъ!“

„На томъ берегу словно мелькнуло что-то на деревѣ? Или мнѣ со-сна померещилось?“

„Экой богатырь! Да не уцѣпись онъ за дерево, какъ разъ бы назадъ оплелъ!“

„Пошелъ на пригорокъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ! Экой хватъ!“

„Гдѣ, гдѣ онъ, хозяинъ?“

„Куда тебѣ, старая? Ужъ изъ виду вонъ ушелъ,“ отвѣчалъ солдатъ.

„Слава Богу! на своихъ ногахъ,“ говорилъ Никиша, расправляя усы и поглаживая бороду. „Есть кому за себя постоять; со всякимъ управится.“

Агаѳоновичъ снялъ очки, положилъ ихъ въ черный кожаный футляръ и, поставивъ за шпалы складни на полочку, сѣлъ за столъ вмѣстѣ съ Никишою, а старуха пошла за попяты избу.

(Окончаніе впереди.)

II.

П Р А В О В Ъ Д Ъ Н І Е.

О П О Э З І И В Ъ П Р А В Ъ.

(*Продолженіе.*)

§ 11.

Сія вѣра въ Бога видимо проходитъ сквозь все Древнее Право. Оно — можно сказать — почти все основано на судѣ Божіемъ, и я справедливо внутреннюю *добродѣтельность* его считаю одною изъ главнѣйшихъ піпическихкихъ составныхъ частей его. Поэзія цѣломудренна и благочестива; то же и безхитростное Право древности: они всюду видятъ перстъ Всемогущаго.

У Грековъ и Римлянъ жертвоприношенія, празднества и предсказанія тѣснѣйшимъ образомъ соединены были съ ихъ нравами, вѣрою и правомъ; прорицательные глаголы Авгуровъ ясно отзываются въ формулахъ древнихъ законовъ. Смотря по направленію полета птицы, по трепетанію внутренностей умирающаго животнаго, судили о правотѣ народныхъ дѣйствій, начинали войну, заключали союзъ; совершая торжественныя клятвы, они вѣрили въ вѣдѣніе и незримое

присутствіе карающаго клятвopреступленіе Божества (106).

Такъ и въ Германскомъ Правѣ существовало безчисленное множество освященныхъ народною вѣрою предзнаменованій, примѣтъ и совѣщаній въ случаѣ сомнѣній, надобно ли что сдѣлать или оставить. Самыхъ маловажныхъ обстоятельствъ, какъ по мы видѣли выше въ нѣкоторыхъ примѣрахъ, Законъ не хотѣлъ опредѣлять рѣшительно, но иное предоставлялъ во встрѣчающемся случаѣ волѣ Бога, или судьбы. Такъ называвшіеся *Суды Небесныя*, коими долженствовали себя оправдывать или уличать обвиняемые въ уголовныхъ преступленіяхъ, ни у какого народа, хотя ихъ можно находить у всѣхъ (107), не были

(106) Греческія и Римскія формулы см. въ *Иліад.* III, 267-301. Лив. I. 9.

(107) Въ Россіи существовали также *испытанія водою и жезломъ*, и Русская Правда содержитъ въ себѣ нѣкоторыя узаконенія по сему предмету. Въ XIII столѣтіи мѣсто сихъ искушеній заступили *законныя поединки*, называвшіеся *полеми*, которые наконецъ утверждены Судебникомъ Царя Ивана Васильевича. Вѣра въ такой Судъ Небесный была обща всѣмъ Европейскимъ народамъ; почему и нельзя рѣшительно сказать, отъ кого предки наши заимствовали такой способъ доказывать предъ судомъ невинность. Въ первый разъ упоминается о немъ въ Софокловой *Антигонѣ*, V. 264, гдѣ

образованы такъ основательно и прочно, какъ у Германцевъ. Можно бы было, по почтѣйшему сличенію пѣсней съ законами, сказать нѣсколько новаго въ объясненіе сихъ судовъ, но это лучше можетъ быть предметомъ отдѣльнаго Разсужденія.

Домашнія животныя часто употребляются средствами при такихъ опредѣленіяхъ, т. е. когда человѣкъ не смѣетъ рѣшить дѣла собственною волею. Въ самомъ дѣлѣ искренняя привязанность ихъ къ человѣку, такъ сказать, содружество дають имъ какъ бы нѣкое право быть рѣшителями запруднительныхъ случаевъ, тѣмъ паче, что въ рѣшеніи ихъ не можетъ быть ни малѣйшаго пристрастія. Много также говорится и о предзнаменовательной встрѣчѣ съ дикими животными.

Гуси, по народной сказкѣ, спасаютъ сво-

спражъ говоритъ Царю Креону въ доказательство своей невинности:

*ἦμεν δ' ἐτοίμοι καὶ μὲν ἄνδρες ἡρώων,
καὶ πῦρ διέρπειν, καὶ θεοὺς ὀρκισσόμεν
τὸ μῆτε δρᾶσαι μῆτε τῷ ξυνοιδέειν
τὸ πρῶτα βουλεύσασθαι, μῆτ' ἐργασμέμεν.*

т. е. Желѣзо горяще взяли мы готовые,
Пройши сквозь огонь я клянусь богами,
Что мы не виновны, и даже не знаемъ,
Кто предпринялъ и кто сіе сдѣлалъ. *Пер.*

имъ крикомъ Капитолію Римлянъ (108); равно и въ Эддѣ гуси представляются кричащими во время рыданія Гудрунена; наши отечественныя сказки наполнены самыми прогательными примѣрами вѣрности, состраданія и разумности лошадей (109). Пѣтухъ не будитъ только своимъ голосомъ, но и опредѣляетъ своимъ пологомъ пространство участка земли, который должно выдѣлить кому нибудь по принадлежности.

(108) Liv. V. 47: (hostes) anseres non fefellere, quibus sacris Junoni in summa inopia cibi tamen abstinebatur.

(109) Русскія пѣсни не менѣ того славятъ сіи качества въ конѣ. Выпишемъ хотя одинъ примѣръ изъ пѣсни:

Подлѣ молодца стоишь шутъ его добрый конь,
И онъ бѣшетъ своимъ копытомъ въ мать сыру
землю,

Будто слово хочешь вымолвить хозяину:
Ты вставай, вставай, удалый добрый молодецъ,
Ты садися на меня, на своего слугу.

.

Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
Ахъ! ты конь мой, конь, лошадь вѣрная,
Ты товарищъ моей участи,
Добрый пайщикъ службы Царскія, и пр.

Посему-то за эшого добраго соучастника во всѣхъ трудахъ человѣка *Правда* полагала такое строгое наказаніе: лишеніе всѣхъ правъ гражданскихъ. *Пер.*

Конечно и большая часть преданій о постройкѣ городовъ, замковъ и опредѣленіи границъ имѣютъ въ себѣ нѣчто юридическое. Обыкновенно, какое нибудь невинное животное отмѣчаетъ мѣсто или описуетъ начальную форму первыхъ и рѣшаетъ споръ о послѣднихъ (110).

Варронъ повѣствуетъ: *oppida condebant in Latio, Etrusco ritu, multa: Id est, junctis bo- bus, tauro et vacca interiore aratro circumagebant sulcum; hoc faciebant religionis causa, die auspi- cato, ut fossa et muro essent munita; terram unde exalpserant, fossam vocabant et introrsum factum murum, postea quod fiebat orbis, urbs* (111).

И М. Камонъ: *captato augurio, qui urbem novam condebat, tauro et vacca arabat, ubi arasset murum faciebat, ubi portam volebat esse, aratrum*

(110) Of. Festus v. *primigenius sulcus*.

(111) Т. е. строили многіе города въ Лациумѣ съ наблюденіемъ Этрусскаго обряда: именно запрягали двухъ воловъ, одного шельца, другую юницу, и плугомъ обводили глубокую борозду; это дѣлаемо было изъ побужденій благочестія, но предварительномъ совѣщаніи съ Авгурами, дабы такимъ образомъ освятивъ ровъ и сѣню, долженствовали ограждать городъ; та сторона, отъ коей отрѣзываема была плугомъ земля, называлась ровомъ, а внутренняя сѣною, весь же кругъ, описанный рвомъ, назывался городомъ.

tollebat et portam vocabat (112). Здѣсь пахавшій, кажется, самъ управлялъ животными; но болѣе древнія Саги, вѣроятно, очевидно предавали сіе дѣло произволу ихъ самихъ (113) такъ, какъ гласятъ наши Древне-Нѣмецкія сказки.

Мы знаемъ, что споры о границахъ рѣшались искушеніями Суда Божія (114); такого точно рода слѣдующая народная повѣсть, которую я слышалъ изъ устъ старожилла въ Гессенской деревнѣ Вильгельмсаузенѣ, на пути между Касселемъ и Минденомъ. „Однажды,“ сказывалъ онъ: „произошелъ споръ между жителями нашей и сосѣдственной деревни о границахъ между землями ихъ. Не знали, какъ рѣшить его по праву. Почему согласились, взявъ рака, пустить его по

(112) Тотъ, кто хотѣлъ построить новый городъ, вопрошалъ напередъ шинцегадатель, и запрягши телца и корову, пахалъ на нихъ; тамъ, гдѣ проводилъ борозду, назнаменовалъ чершу для сѣвы, а гдѣ хотѣлъ бытъ ворошамъ, въ шомъ мѣстѣ поднималъ рало и нарекалъ porta.

(113) Въ Житіяхъ Святыхъ, вола, запряженные въ колесницу, опредѣляютъ мѣсто, гдѣ долженъ почить прахъ Угодника.

(114) Напр. крестнымъ судомъ. См. Диппльдта Жизнь Карла Великаго, стр. 211. См. Дю-Канж. слово: terminatio.

спорной землѣ, ишли по его слѣдамъ и класъ по нимъ межевые камни. Онъ ходилъ спраннымъ манеромъ и вдоль и поперегъ, и вкось и впрямь, почему въ томъ мѣстѣ остаеся межа и донынѣ въ спранныхъ направленіяхъ, со множествомъ угловъ и изгибовъ.“

§ 12.

Много разъ было говорено о *жестокости* и варварствѣ древнихъ законовъ; я счишаю ихъ и крошкими и жестокими вмѣстѣ, и думаю, что оба сіи качества условливаются въ нихъ одно другимъ. Изъ ихъ высочайшей чистоты и правоты непосредственно происпекаетъ ихъ строгость. То же именно замѣчается и въ древней Поззіи. Позднѣйшіе вѣки, съ теченіемъ времени, вмѣсто таковой жестокости, являютъ болѣе и болѣе хладнокровія; убійство сдѣлалось рѣже, но обманъ чаще.

Древнее пѣснопѣніе славитъ героя, какъ онъ попался въ руки непріятеля, былъ вачимъ по землѣ и спруилъ изъ себя кровь, а нѣсколько прежде оно же умилительно изображаетъ, какъ юный сынъ устрашилъ косматаго шлема его. Повѣствуется, какъ рыбы пируютъ около бѣлаго тука, объемлющаго почки умершаго, и тутъ же говорится, какъ друзья и товарищи омывають послѣ битвы тѣла падшихъ, орошаютъ ихъ своими слезами и заботятся о ихъ сожженіи.

Не часто ли представляеть и наша нынѣшняя жизнь картины такого жестокосердія, колеблющагося между грубостію и радушіемъ нашихъ предковъ? Я представляю себѣ возвращающагося на родину воина, который заботливо несетъ съ собою блѣдныя кости падшаго сотоварища, дабы доставить ихъ въ отчизну его дѣтямъ или родителямъ, — и нахожу нашихъ солдатъ, которые, проходя полемъ сраженія, гдѣ лежатъ вмѣстѣ другъ и врагъ, никого не погребаятъ, гораздо болѣе жестокими. Наше древнее стихотвореніе: *О плачь*, исполнено самыхъ прогательныхъ, раздирающихъ сердце воплей горести; въ Нибелунгахъ кровавыя орудія смерти сокрываются отъ лица женъ, дабы онѣ, смотря на нихъ, не могли плакать.

Посему, если мы хотимъ отдать справедливостъ древнему Законодательству, то разсуждая о чрезвычайной строгости его правилъ и жестокости наказаній, непременно должны принять въ соображеніе и то самостоятельное, безъ сомнѣнія, достохвальное чувство, которое видится о спрану сего Законодательства (115). Милосердіе, яв-

(115) Въ послѣднюю кампанію Испанцы, въ справедливомъ своемъ ожесточеніи противу Французовъ, производили ужаснѣйшія жестокости, какъ напр.: распиливали на части живыя тѣла, словно

ляемое новѣйшими законами относительно нѣкоторыхъ шокмо преступленій и неблаго-роднымъ или безчестнымъ сосполнїямъ, непримѣннымъ образомъ способствовало къ вредному между собою смѣшенію всѣхъ и уничтожило много добраго, существовавшаго у нашихъ предковъ (116). Съ сей же точно стороны надлежитъ смотрѣть и на грозныя клятвы, и поносительныя рѣчи, гремѣвшія въ древности, и испоргающіяся нынѣ изъ устъ нашего просполоудина, которыя такъ несовмѣстны съ нѣжнымъ вкусомъ лучшихъ обществъ. Онѣ ни сколько почти не оскорбляютъ цѣломудренной чистоты нравовъ.

И такъ я хочу видѣть и въ самой жестокости древняго Права черту, нарочито сближающую его съ Поззією, и даже нахожу въ сей послѣдней объясненіе извѣстнаго закона въ Римскомъ Правѣ.

Законы XII таблицъ предписываютъ:
si plures erunt rei, tertiis nundinis partis secuntio; si plus minusve secuerunt, se fraude

дрова. Нѣтъ сомнѣнія, что сей народъ добръ и великодушенъ; но таковыя жестокости были необходимы.

(116) Въ семъ смыслѣ много замѣчаній написалъ Мёзеръ. См. Т. 2. нпш. 42, 43 и пр.

esto; si volent uls Tiberim peregre venundanto (117). Сей законъ, повелѣвающій разсѣкать на части плѣо несостоятельнаго должника, не смотрѣ на ясныя свидѣтельства, которыя часто приводимы были въ доказательство, что сами Древніе принимали его не иначе, какъ въ буквальномъ смыслѣ, въ новѣйшія времена былъ подвергаемъ сомнѣніямъ и объясняемъ въ смыслѣ, болѣе сообразномъ съ чувствомъ человеколюбія. Но къ чему сіи усилія? Не повѣствуетъ ли Ливій о другомъ подобномъ случаѣ, доказывающемъ неопровержимымъ образомъ *insignem crudelitatem in credito rem* (VIII, 28)? Вѣрность при денежныхъ займахъ конечно долженствовала быть такъ строго обезпечена, чтобы заимодавецъ власнень былъ все сдѣлать съ неуспойчивымъ заимобрателемъ. Наше Германское законоположеніе не имѣетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ такого постановленія; въпрочемъ, сказка о договорѣ, заключенномъ вѣтрипелемъ и заемщикомъ на томъ, что если послѣдній не состоится въ словѣ къ положенному времени, первый имѣлъ право *вырвать у него изъ*

(117) Если много будетъ заимодавцевъ, то въ третій торговый (27) день да разсѣкутъ плѣо должника на части; если усѣкутъ болѣе или меньше, вины въ томъ нѣтъ; буде захотятъ, могутъ продать его за Тибръ, въ страну чуждую.

груди извѣстную часть мяса, — сказка сія, говорю, носилась по всему проспанству среднихъ вѣковъ. Другіе уже доказали своими изысканіями, что за долго еще до временъ Шекспира, который, умѣвъ всегда уловлять самыя глубокомысленныя басни, такъ мастерски обработалъ сію, ходило между народомъ сказаніе о помянутомъ безчеловѣчномъ договорѣ съ должникомъ. Гласящъ о немъ быпописанія Римлянъ (*gesta Romanorum*), найденная въ Пекоропѣ Новелла, древняя народная пѣснь въ Англіи о Жидѣ Гериушѣ, и наконецъ многіе Нѣмецкіе и Англійскіе Писатели. Даже прилагается оно къ дѣйствительно бывшему случаю, приводимому Леміемъ въ жизни Папы Сикста V. Ненависть, питаемая народомъ къ заимодавцу (почти такъ, какъ въ первомъ случаѣ между Папиріемъ и Публиемъ) не опровергается здѣсь ничего; заимодавецъ имѣетъ на своей сторонѣ строгую букву закона, и достойно замѣчанія, что если бы сіе сказаніе имѣло начало свое въ законахъ XII таблицъ, то обстоятельство, по коему обвиняется Жидъ, то есть, урѣзаніе болѣе или меньшей части, покольку оно въ Римскомъ Правѣ предвидѣно и опредѣлено въ безразличномъ смыслѣ, не могло бы быть обращено въ улику вѣршелоу (118).

(118) Сіе уклоненіе, главное, кажется мнѣ, со-

§ 13.

Необыкновенно спрoгaя *гeстнoстъ*, гoс-
подствующaя въ Древнемъ Правѣ, должна
быть объяснена различными другими примѣ-
рами.

Сѣверные и Англо-Саксонскіе Законода-
тели повелѣвали прибывать на сполбахъ *бoль-
шихъ дорогъ золотыя кольца* и запысыя — и
ни какой пунникъ къ нимъ не прикасался, не
смѣлъ взять съ собою (119).

Какъ строго соблюдаема была святость
сeмeйствeннoгo мiрa! Считалось величайшимъ
поруганіемъ, если кто прошиву воли хозяина
вступалъ въ домъ и садился передъ очагъ или
за споль. Кнo бросалъ хoпiа одинъ камень
на кровлю къ другому, потѣ причинялъ ему
оскорбленіе (120).

Поносительныя рѣчи были вымещаемы
на членъ, изрекавшемъ ихъ, — на устахъ и
языкъ. Пеня за оскорбленіе словомъ еще и
теперь въ Сѣверномъ и Саксонскомъ Правѣ
называется *Lärpegæld, Lippengeld, Mundgeld*.

вершенно должно опдалить всякую мысль о ка-
комъ либо заимствованіи помѣнушой народной
сказки изъ Римскаго Права.

(119) *Worrede des Grottafaungr.* стр. 16. Сума *Fa-
belzeit* 2. 135.

(120) *Viarda zum salischen Gesetz* стр. 356. not. d.

Оскорбившій долженствовалъ битъ самого себя по устамъ и иппи изъ суда задомъ, — не какъ честный человѣкъ. *Пеню за воровство* надлежало нести *на спинь* (121). Но прежде губное наказаніе было еще строже; у виновнаго *вырывали языкъ*, послужившій къ оболганію, и *зашивали обѣ губы*. Флоръ (IV, 12.) сохранилъ намъ сказаніе о жестокости, съ какою озлобленные Нѣмцы поступили съ побѣжденными Римлянами, въ особенності же съ льстивыми Правителями (122), коими они были обманываемы и разоряемы: „симъ, говоритъ онъ, выкалывали глаза, другимъ отсѣкали руки; а одному *зашили ротъ*, опрѣзавъ напередъ языкъ, который, варваръ, держа въ рукѣ, говорилъ: „переспанешь наконецъ, змѣя, шипѣть (123)! „И вотъ еще одна повѣсть изъ Эдды (124): Локи побился съ однимъ карлою,

(121) Зибенкесъ I. 51. *ibi*que cit. Сюда относятся также наказанія: безчестный столбъ, позорное одѣяніе и выставленіе на показъ.

(122) Подобнымъ образомъ и въ наши времена народъ устремлялъ ярость свою противу Французовъ — собирателей подазей и шаможенныхъ пошлинъ.

(123) *Aliis oculos, aliis manus amputabant, unius os sutum, recisa prius lingua, quam in manu tenendo barbarus: tandem, inquit, vipera, sibilare desiste.*

(124) *Dámifaga* 89.

и шопъ и другой подъ закладъ своей головы, но Локи пробилъ. Тупъ хотѣлъ онъ *искупить* свою голову, и предложилъ выкупъ; но прошивникъ не соглашался на принятіе выкупа, а непременно хотѣлъ настоять на договорѣ. Когда карла готовился отсѣчь у Локи голову, сей сказалъ ему (совершенно по такому же предлогу, какой употребилъ судія прошиву Жюда, рѣзавшаго тѣло должника): „ты имѣешь право только на мою голову, но не на шею.“ Тупъ карла оставилъ свое пребываніе, но взявъ сапожный ножъ съ шиломъ, *зашилъ ротъ* въроломному нарушителю условія, Локи. Такъ какъ послѣ сего нитка или ремень (коему Поэзія даетъ собственное наименованіе) (125), насильственно были разорваны, то Локнины губы были какъ изрытыя шилою.

При всей строгости въ наказаніяхъ однако соблюдались и приличіе и стыдъ. Въ Сѣверномъ Уголовномъ Правѣ есть слѣдующій законъ (126): „женщину нельзя распягивать

(125) То есть *vartari*, что значитъ буквально: губодеръ, отъ *var*, *vör*, губы и Улфл. *fáran*, по-Англосаксонски: *fáran* (tear) раздирать, терзать, разрѣзать.

(126) Спиригорнъ стр. 356. *en má fona stegla eller hángia a green; madrin a stegla of kom undi griut.*

на колесѣ или вѣшать на древесномъ суку :
мужчину на колесо, женщину въ песокъ.“

По Англосаксонскому закону, Канута, жена, запершая подъ свой ключъ вещи, украденныя мужемъ, не только что сама виновна, но и дитя, лежавшее при семъ дѣлѣ въ колыбели, какъ будто бы ему надлежало уже равнодушно терпѣть беззаконіе: „прежде было, гласитъ законъ, что дитя, которое лежало въ колыбели, хотя бы оно никогда еще не вкушало пищи, дѣлалось преступнымъ вмѣстѣ съ ненасыпными, какъ будто бы оно могло то сознавать: я это отмѣняю (127).“

Эти примѣры приводятъ на мысль и обрядъ обыска въ дому (*diebsuchen, salisuchen*). Раздѣльные, въ одной рубашкѣ, входили въ подозрѣваемый домъ и смотрѣли украденнаго имущества. „Надлежитъ входити, гласитъ законъ, покровенными одною рубашкою, и распоясанными“ (128). Или, какъ Весп-Гоме-

(127) *Leges Knuti* 74: *hit wæs ærðyson, that cýld, the lág on þam cradele, theaþ hit náfre metes ne abite, that tha gptseras letan esen schldige and gewittig wære; acic hit forbeode.* — Только основаніе измѣненнаго закона очевидно несправедливо.

(128) Норв. Зак. *de furto* cap. 6. *ingredi debent uno indusio tedi et discincti. ef. jus provin. succ. cap.*

ское Право законополагаетъ: „босикомъ, подобравъ одежду выше колѣнъ.“ Это по самое, что Институты (IV. tit. 1. §. 4) называютъ *requisitio rei furtivae secundum veterem observantiam*; но, безспорно, Германскій обычай еще менѣе могъ быть заимствованъ изъ древняго Римскаго Права, нежели сколько сіе послѣднее могло быть обязано въ семъ отношеніи Греческому. Свидѣтельство Платона и Аристофана (129) доказываетъ, что и у Грековъ, кто хотѣлъ искасть (это называлось *φωρεῖν*) своей покражи въ подозрѣваемомъ имъ жилищѣ, долженъ былъ входить *нагой* и *располсанный* (*γυμνὸς καὶ ἄζωστος*). Причина была та, чтобы ищущіе сами не принесли чего подъ плащемъ и не могли оклеветать въ воровствѣ вовсе безвиннаго. У Римлянъ было также сіе обыкновеніе, и тогда, какъ оно уже вывелось, долго еще сохранялось пехническое выраженіе: *furtum per lancem et li-*

13 si vero quis alicujus domu in suspectam habeat, quasi res furtiva eo delata sit, is comitantibus eum sex viris investigari illam legitime desiderabit.

(129) Plato de leg. lib. 12. Aristoph. *vesp.* 497 — 499, слова приведены, напр. Комментаторами Festi см. Aristoph. *βιττ.* 1402, гдѣ говорится объ учиненіи обыска по случаю кражи гуся. См. также Bek. in *nubes* pag. 209, 210.

cium conspicerе (130): Слово: *licium* (повязка, опоясаніе) понятно, но темно *lanx* (чаша, чашка въсовая), ибо Фестъ (v. lance et licio) ясно говоритъ: *qui furtum ibat quaerere in domo aliena licio cinctus* (т. е. только опоясанный, а впрочемъ нагой) *intrabat lanamque ante oculos* (131) *tenebat* propter matrumfam, aut virginum praesentiam.

Честное имя вольнаго челоѣка всюду пребовало вмѣстѣ съ тѣмъ величайшей осмотрипелъности и соблюденія всевозможной чистоты, чтобы нанести ему пятно въ подозрѣваемомъ преступленіи. Совершенно противнымъ образомъ поспуваемо было съ людьми несвободными, низкими, что особенно доказывается *вирую*, т. е. пенею, плапившеюся ихъ сродникамъ въ случаѣ убійства.

(Окончаніе впредь.)

(130) Cellius N. A. XI. cap. ult. и XVI. 10.

(131) Скалигеръ уже спрашивалъ, какъ можно производить обыскъ, имѣя *lanam ante oculos*? См. Schulting. въ прим. на *Cajus II. 10. § 2*). Можетъ быть, Фестъ смѣшиваетъ сей образъ *одѣянія* при вступленіи въ воровской домъ съ *облагетельмъ* и прикровеніемъ, которое употребляемо было людьми посторонними, когда имъ бывало нужно входить въ женскія комнаты. Сіе послѣднее также называлось *lana ante oculos*.

III.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА.

О Т Ч Е Т Ъ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ
за 1831 годъ.

(Окончаніе.)

По части Живописи:

Г. Профессоръ Шебуевъ:

а) доканчивалъ рисунки къ Анатоміи для Художниковъ и къ правиламъ рисованія.

б) написалъ походный иконостасъ по заказу Г. Фельдмаршала Графа фонъ-дербъ-Остенъ Сакена для церкви Главнаго Штаба 1-й Арміи;

с) нынѣ пишетъ образъ Троицы въ крѣпость Бобруйскъ;

д) иллюминуетъ съ натуры масляными красками гипсовую анатомію, ошпигую изъ бумажнаго тѣста, для преподаванія по сей фигурѣ лекцій, въ анатомическомъ классѣ.

Г. Профессоръ Егоровъ:

а) написалъ два мѣстные образа: Спасителя и Божіей Матери, и два образа Евангелистовъ въ церковь Поселеннаго Кіевского Гренадерскаго полка;

б) написалъ портретъ Г. Томилова и нѣкоторыхъ изъ своихъ родственниковъ;

с) написалъ картину: Похищеніе Елены Парисомъ;

и d) подмалевалъ картины: 1) Симеона Богопріимца, 2) Обрученіе Маріи съ Іосифомъ, и 3) трехъ Грацій изображающія.

Г. Профессоръ Варникъ:

a) написалъ свой собственный портретъ;

b) дѣлалъ эпюды съ натуры и разныхъ композицій, и написалъ эскизъ для картины Іоанна Крестителя въ пустынь.

Г. Академикъ Басинъ:

a) написалъ въ ростъ портретъ покойной Императрицы Елисаветы Алексѣевны, по заказу Графини С. В. Строгановой;

b) нынѣ доканчиваетъ для Государя Императора внутренній перспективный видъ весьма живописной части академическаго чердака, въ которомъ женщины развѣшивають бѣлье;

с) сочинилъ и написалъ эскизы Музъ и Аполлона, для плафона Академической Библіотеки.

Г. Профессоръ Воробьевъ:

a) изготовилъ двѣ небольшія картины, изображающія прибытіе Государя Императора на фрегатъ Флоръ въ Одессу;

b) сдѣлалъ нѣсколько рисунковъ для Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны;

с) кончилъ двѣ каршины, представляющія бурю на Черномъ морѣ ;

д) нынѣ занимается отдѣлкою большою каршины, изображающей видъ Шумлы изъ Главной кварширы Государя Императора.

По части Гравированія на мѣди.

Г. Профессоръ Уткинъ :

а) выгравировалъ портретъ Державина, для книгопродавца Смирдина;

б) портретъ Дмипрія Самозванца, для изданія Г. Успрялова;

с) портретъ Г. Президента, съ рисованнаго Александромъ Брюловымъ съ напуры;

д) началъ гравировать портретъ Г. Профессора Варника;

е) выгравировалъ на пробу одинъ рисунокъ Начальныхъ Правилъ Рисованія Г. Шебуева.

Г. Профессоръ Галактионовъ, началъ гравировать Бурю (извѣстную подъ именемъ Павла и Virginii) съ Вернепа.

По части Зодчества:

Г. Профессоръ Мельниковъ: а) занимался здѣсь въ С. Петербургѣ пристройкою къ Владимірской церкви по Высочайше утвержденному проекту его, Г. Мельникова.

Пристройка сія особливо примѣчательна устройствомъ плоскихъ сводовъ.

b) Сдѣлалъ проектъ общихъ и частныхъ карантинныхъ по Государству;

c) проектъ храма Спасителя для Москвы, и церкви для Графини Коновницыной въ деревнѣ;

d) огромной колокольни въ городѣ Ярославль;

e) сверхъ того сочинялъ другіе проекты и исполнялъ разныя порученія по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, въ Строительномъ Комитетѣ коего онъ состоитъ Непременнымъ Членомъ;

f) сочинилъ памятникъ Державину для города Казани.

Г. Академикъ Тонъ (Константиинъ):

a) производилъ отстройку въ Императорской Академіи Художествъ по Высочайше утвержденнымъ проектамъ: новой Академической Библіотеки и второй анпичной галлерей, изъ коихъ на построеніе послѣдней отпущено въ нынѣшнемъ году, по волю Его Величества изъ суммъ Придворнаго вѣдомства, 36,000 р.;

b) занимался нынѣшнимъ лѣтомъ основаніемъ церкви Св. Великомученицы Екатерины, за Калинкинымъ мостомъ. Сія церковь строится въ старинномъ Русскомъ вкусѣ,

по Высочайше утвержденному проекту его, Г. Тона;

с) сочинилъ нѣсколько проектовъ иконостаса изъ серебра для церкви Казанскія Божія Матери, изъ коихъ одинъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія;

д) по Высочайшему повелѣнію Государя Императора, сочинилъ проекты церкви для Царскаго Села и набережной предъ главнымъ зданіемъ Академіи.

Г. Академикъ Брюмловъ (Александръ):

а) спроектировалъ, по Высочайше утвержденному проекту, Малый Театръ;

б) въ Парголовѣ церковь для Графа Полье;

с) на дачѣ, домъ Графини Самойловой;

д) написалъ водяными красками картину, изображающую портреты Государя Цесаревича Наслѣдника и Великаго Князя Александра Николаевича, окруженнаго разныхъ Корпусовъ кадемами.

Нынѣ собственнымъ надзоромъ и указаніемъ руководствуетъ рисованіе сей картины на камнѣ для литографіи.

е) Сверхъ того занимался архитектурными проектами, въ томъ числѣ Храма Спасителя для Москвы, и рисовалъ портреты, въ числѣ коихъ и Г. Президента.

Г. Академикъ Тонъ (Александръ):

а) занимался проектомъ Городской Боль-

ницы, и b) въ топографическомъ Отдѣленіи Собственной Чертежной Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича показаніемъ пріемовъ и способовъ, по сей отпроси Художествъ, Ангельманомъ въ Парижъ употребляемыхъ.

Наконецъ Г. Почетный Членъ Академіи и достойный Вице-Президентъ ея, Графъ Ѳ. П. Толстой:

a) изготавилъ нѣсколько новыхъ рисунковъ гравюръ для Поэмы *Душенька*;

b) окончилъ въ мѣди два барельефа, для коллекціи медаліоновъ къ воспоминанію Отечественной войны, и,

c) во время пребыванія своего нынѣшнимъ лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ, занимался писаніемъ съ натуры цвѣтовъ и проч.

Третье: Музеумъ Академіи приумноженъ картинами, скульптурными вещами, эстампами и книгами, частію оныя щедрошъ Монаршихъ полученными, а частію пріобрѣщенными покупкою.

Его Императорское Величество благоволилъ пожаловать Академіи копіи съ знаменитыхъ мастерскихъ картинъ, дѣланыя Художниками нашими въ чужихъ краяхъ. Важнѣйшія изъ нихъ:

Положеніе во гробъ Спасителя, съ Каравача, Гофманомъ;

Мадону ди Фолиньо съ Рафаэля, М. Марковымъ;

Торжество Галатеи съ Рафаэля же, Брунїемъ;

карпины бывшія нѣкогда въ Полоцкомъ Іезуитскомъ Музеумъ;

Магдалину съ Батоніа и Мадону съ Рафаэля, Недзвѣдзкимъ;

оригинальную карпину, представляющую внутренность Католической церкви, вещь въ своемъ родѣ превосходную;

четыре небольшія мозаическія карпины; девять копій съ разныхъ картинъ Дрезденской галереи, списанныя Художникомъ Боссе;

двадцать два мрамора, взятыя въ послѣднюю кампанію въ Турціи, и именно: въ Демопикъ, Неолохосъ, Айдосъ, Месемвріи и Ахіолъ; примѣчательнѣйшіе изъ сихъ мраморовъ суть: лежащій Силенъ, небольшая фигура, къ сожалѣнію поперѣвшая, и двѣ капители.

Академія пріобрѣла покупкою въ концѣ прошлаго 1830 года, изъ коллекціи покойнаго Сенатора Графа Григорія Владиміровича Орлова, 18 оригинальныхъ картинъ; а именно: два пейзажа Лукателли, женскую голову школы Рембранта, два пейзажа Шовена, голову старика Дитриха, взятіе Божіей Матери, его же; голову старухи Дин-

нера, кавалькаду ванъ-деръ-Мелена, портреты: Тинпорета и ванъ-деръ-Гельста; приморскіе виды Рюйздаля и Ванъ-Гоэна, пейзажъ Тирлинга, два пейзажа Гакерта и Св. Иеронима, Егорова, сверхъ того 51 рисунокъ съ древней Живописи, съ Рафаэла и съ Джуліо Романо.

Послѣ того, по особымъ случаямъ, куплены въ нынѣшнемъ 1831 году оригинальныя картины: превосходный пейзажъ Сваненфельда, два портрета Гольбейна, женскій портретъ Мааса, пейзажи: Эвердингена, ванъ-деръ-Вельда и Лупербурга, и два неизвѣстнаго мастера; эпюдь головъ съ напуры, цвѣтовъ и драпировокъ, приписываемый Доминикину Зампieri; картину, изображающую Св. Петра, и другія, не столь примѣчательныя картины.

Между тѣмъ продолжаемо было исправленіе издавна принадлежащихъ Академіи картинъ, изъ числа которыхъ нѣкоторыя дублированы, нѣкоторыя поставлены на паркетъ, а одна переведена съ дерева на холстъ, и всѣ весьма оспорожно и искусно вычищены Г. Академикомъ Сухихъ и Гг. Реставраторами Императорскаго Эрмитажа.

Такимъ образомъ Музей Академическій приходитъ въ лучшій порядокъ, и хотя онъ весьма не богатъ числомъ картинъ, ибо по

нѣкоторымъ отпраляемъ Живописи: какъ на-
примѣръ приморскихъ и перспективныхъ ви-
довъ, историческихъ картинъ, портретовъ
и баталій, весьма въ ономъ не много; — но
нѣкоторыя картины особенно примѣчатель-
ны своимъ достоинствомъ.

Сверхъ сего выпсанъ Академією изъ Па-
рижа алебастровый опливокъ, слишкомъ пре-
возносимой памъ статуи Венеры, откры-
той на островѣ Мило, и куплено нѣсколько
полезныхъ книгъ и эстамповъ для библіотеки,
которыхъ для краткости не исчисляю.

Четвертое. а) По журналу торжествен-
наго собранія, 12 Октября 1830 года быв-
шаго, поступилъ:

*Въ число Почетныхъ Любителей, состоящихъ
въ комплектъ:*

1, Г. Дѣйствительный Тайный Совѣт-
никъ Дмитрій Павловичъ Татищевъ.

Въ Почетные Члены:

2, Г. Оберъ-Шенкъ Двора Его Импе-
раторскаго Величества, Графъ Василій
Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ.

Въ Почетные Волные Общники:

3, Статскій Совѣтникъ Н. И. Гидичъ.

4, Коллежскій Совѣт. И. А. Крыловъ.

5, Граверъ въ Миланѣ, Г. Лонги.

6, Г. Архитекторъ въ Москвѣ Джиларди.

7, Г. Архитекторъ Іосифъ Шарлемань.

8, Г. Ришомъ, Граверъ и Членъ Французскаго Института въ Парижѣ.

9, Г. Буше де Нойе, Граверъ и Членъ того же Института,

10, Г. Тардье, Граверъ и Членъ того же Института.

11, Г. Берже, Миниатюрный Живописецъ.

12, Г. Инженеръ-Полковникъ А. П. Сапожниковъ.

13, Г. Конференцъ-Секретарь Академіи Художествъ, В. И. Григоровичъ.

14, Г. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ В. А. Жуковскій.

Въ званіе Совѣтника:

15, Г. Граверъ ландшафтовъ Академикъ С. Ф. Галактионовъ.

Въ Академики:

По Живописи Исторической:

16, Г. Сухихъ.

По Живописи Портретной:

17, Г. Яненко.

По Живописи Миниатюрной:

18, Г. Тербеневъ.

По Архитектурѣ:

19, Г. Быковскій.

По Живописи Перспективной:

20, Г. Типулярный Совѣтникъ Ивановъ.

б) По утвержденіи журналомъ чрезвычайнаго Собранія Академіи, 20 Декабря 1830 года бывшаго:

По извѣстнымъ художественнымъ произведеніямъ поступили въ Академики:

По части Скульптуры:

С. И. Гальбергъ.

Б. И. Орловскій.

По части Исторической и Портретной Живописи:

П. В. Басинъ.

В. К. Сазоновъ.

По части Архитектуры:

В. А. Глинка.

К. А. Тонъ,

А. П. Брюлловъ.

Ал. Анд. Тонъ.

Хр. Кр. Мейеръ.

Такое умноженіе достойнѣйшихъ Членовъ Академіи, безъ сомнѣнія, принесетъ ей важную пользу. Нельзя не радоваться оному. Но радость сія не вполне можемъ быть ощущаема нынѣ; ибо Академія лишилась нѣкоторыхъ Членовъ, которые или опличались дарованіями и искусствомъ, или, ободря и

покровительствуя Художества, содѣйствовали распространенію любви къ онымъ въ опечесствѣ.

Опличный, превосходный Пейзажистъ нашъ, Сильвестръ Щедринъ, скончался въ Соренто близъ Неаполя, 28 Октябрю прошлаго года. Онъ былъ истинный Художникъ, любилъ свое Искусство спрасно, и оказалъ въ немъ такіе успѣхи, въ отношеніи къ прелестному подражанію натурѣ, какіе едва ли дѣлалъ до него кто либо изъ Пейзажныхъ Живописцевъ въ Россіи.

Апрѣля 15-го нынѣшняго года, скончался Академикъ рѣзбы на твердыхъ камняхъ и стали, Доброхошовъ. Необыкновенною чистотою въ рѣзбѣ на камняхъ, онъ былъ извѣстенъ не только здѣсь, но и въ чужихъ краяхъ. Ему удивлялись въ Англіи, Германіи и Италіи, любители, имѣвшіе случай видѣть его произведенія. Друзья потеряли въ немъ человека рѣдкихъ душевныхъ качествъ.

Академикъ Глинка умеръ отъ холеры 4-го Іюля. Онъ принадлежалъ къ числу лучшихъ нашихъ Архитекторовъ и имѣлъ обширныя по своей части свѣдѣнія, но къ несчастію, весьма не долго, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, служилъ своимъ искусствомъ опечеству.

Миніапюрный Живописецъ де Росси, одинъ

изъ отличнѣйшихъ Художниковъ по своей части (можно сказать въ Европѣ), умеръ Іюля 10-го.

Почетный любитель Академіи Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, вельможа достойный памяти соотечественниковъ, скончался 15-го числа того же мѣсяца. Онъ былъ благодѣтель многихъ Художниковъ. Нѣкопорымъ изъ нихъ, своимъ ободреніемъ и покровительствомъ, открылъ поприще, на коемъ они прославили себя и того, кто имъ благодѣтельствовалъ. Довольно наименовать знаменитаго Гонзаго, единственнаго, можно сказать, Декоратора въ Россіи и быть можетъ въ цѣлой Европѣ, который много, много былъ ему обязанъ. Академія имѣла сего послѣдняго въ числѣ Почетныхъ Вольныхъ Общниковъ своихъ, но лишилась 29-го того же Іюля. Онъ вошелъ въ слѣдъ за своимъ благодѣтелемъ шуда, куда, по словамъ славнаго Витіи Іоанна Леванды, входъ неизбеженъ и отколѣ исходъ невозможенъ.

Кромѣ сихъ, Академія понесла и еще одну важную потерю: 19-го Іюля также умеръ Профессоръ ея по части Архитектуры Гомзинъ, Художникъ, долго служившій Академіи, скромный при своихъ дарованіяхъ, и весьма опытный въ Спроектильномъ Искусствѣ. Кромѣ Академіи, онъ служилъ еще

Главнымъ Архитекторомъ при С. Петербургскомъ Адмиралтействѣ, и тамъ и здѣсь оставилъ по себѣ искреннее сожалѣніе всѣхъ, кто только зналъ его.

Судьбы Вышняго неисповѣдимы; — но да устроитъ благость Его, да при будущемъ общемъ собраніи нашемъ скажемъ: тяжко было время истекшаго года; но смуты, болѣзни, война болѣе не прійдутъ: Царь хранитель и благодѣтель опечесива торжествуетъ. Россія спокойна и благоденствуетъ; Науки и Художества служатъ Россіи и человѣчеству, и нѣтъ уже славы, коюрой бы Русскіе не предвосхищали у сыновъ истиннаго просвѣщенія и добродѣтели.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Ф Р А Н Ц І Я.

Въ Палату Депутатовъ прислано изъ Тулона подписанное 500 чел. прошеніе объ отдачѣ Министровъ подъ судъ. Это, вѣроятно, подаетъ онъ

позиціи новый поводъ къ нападеніямъ на Министерство.

Изъ послѣдней статьи нашей читатели видѣли, что пренія о общихъ началахъ закона о Перскомъ достоинствѣ были окончаны: въ заведеніи 10 числа, Докладчикъ Коммисіи Беранже сдѣлалъ обзоръ всѣхъ мнѣній по сему предмету; зашѣмъ Палата приступила къ разсужденію о двухъ измѣненіяхъ (*amendement*) въ законѣ, предложенныхъ Депутатами Энуфомъ и Жеемъ (извѣстнымъ сотрудникомъ Жуи.) Первый предлагалъ замѣнить предпоследній параграфъ проекта слѣдующимъ: „званіе ихъ (Перовъ) переходитъ по наслѣдству въ одной прямой линіи и по порядку первородства“ Второй слѣдующими словами: „званіе ихъ переходитъ, какъ было доселѣ, по наслѣдству.“ При разсужденіи о семъ Гг. Энуфъ и Жей (*Jay*) соединили свои предложенія въ одно, и тогда приступлено было къ собиранію голосовъ. Въ пользу онаго оказалось 86 голосовъ, прошивъ 324, и слѣдственно оно опринуто большинствомъ 238 голосовъ, и наслѣдственность Перскаго достоинства такимъ образомъ уничтожена. Результатъ сей можно было предвидѣть, потому что, какъ извѣстно, большая часть Депутатовъ при самомъ избраніи своемъ обязались способствовать уничтоженію наслѣдственности, и весьма вѣроятно, что многіе изъ нихъ подали голосъ прошивъ своего убѣжденія. На другой день слѣдовало разсмотрѣть предложеніе Г. Теста, который полагалъ оставить Перское достоинство наслѣдственнымъ, но только съ нѣкоторыми условіями,

именно, чтобы сынъ Пера имѣлъ 30 лѣтъ отъ роду, и получилъ согласіе на вступленіе его въ Палату Перовъ отъ избираемыхъ того Департамента, въ которомъ плашпъ онъ наибольшія подаши. Но Палата и не приступала къ разсужденіямъ о семъ измѣненіи въ законѣ по той причинѣ, что вопросъ о наслѣдственности былъ уже рѣшенъ отрицательно наканунѣ. За тѣмъ начались пренія о разныхъ измѣненіяхъ, предложенныхъ оппозиціонными Депутатами и имѣвшихъ цѣлю избираніе Перовъ народомъ или представленіе избираемыми Коллегіями Кандидатовъ, изъ которыхъ Король долженъ назначать Перовъ. Девять или десять шаковыхъ предложеній отпущены въ одно засѣданіе. Палата, утомленная продолжительными преніями, не обращала почти ни какого вниманія на рѣчи Ораторовъ и Депутатовъ; надобно было собирать ихъ для подачи голосовъ, такъ что многіе Члены спрашивали: похоже ли это на засѣданіе Палаты? 13 числа приступили къ разсужденіямъ объ измѣненіи, предложенномъ Гг. Мерильу (однимъ изъ первыхъ Министровъ нынѣшняго царствованія), Биньономъ, Жолливе и другими. Оно состояло въ томъ, что Король долженъ назначать Перовъ изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ Коллегіями, которыя могутъ избирать ихъ только изъ извѣстныхъ категорій. Г. Мерильу объяснилъ свое предложеніе въ длинной рѣчи, на которую отвѣчалъ Г. Тьеръ. Сей послѣдній доказалъ, что при подобномъ составѣ Палаты Перовъ, ходъ представительстваго правленія, въ которомъ при опрашли законода-

пелъной власти должны дѣйствовать согласно — совершенно невозможенъ, потому что Палата Депутатовъ, часто возобновляемая, изображаетъ настоящія мнѣнія и требованія народа; а Палата Перовъ, составленная изъ кандидатовъ, избранныхъ уже давно, представляла бы прежнія мнѣнія народа, и потому легко могла бы быть несогласна съ Палатою Депутатовъ. Превосходная рѣчь Г. Тьера произвела сильное впечатлѣніе и сильно поколебала расположеніе Палаты въ пользу предложенія Гг. Мерильу, Биньона и другихъ; но Г. Дюпенъ старшій нанесъ оному послѣдній ударъ рѣчью, исполненною самою извѣстною и остроумною ироніею, и сіе измѣненіе въ законъ, предложенное девятью Членами оппозиціи, имѣющими наибольшее вліяніе и поддерживаемое начальниками сей партіи, Гг. Одилономъ Барро и де Траси (сыномъ знаменитаго Идеолога Демю де Траси (de Trasy) и зятемъ Лафайетта), отвергнуто большинствомъ 58 голосовъ. Такимъ образомъ системы прямаго избирательства и кандидатура и всѣ предложенныя разными Депутатами измѣненія въ составъ Палаты Перовъ, были отвергнуты, и оставалось разсуждать о проектѣ Коммиссіи, состоящемъ въ томъ, что Король долженъ назначать Перовъ изъ разныхъ категорій лицъ, занимавшихъ извѣстное время высшія государственныя должности. Послѣ продолжительныхъ и мелочныхъ преній большая часть сихъ категорій принята. Въ одной изъ послѣднихъ заключались люди, платящіе 3000 фр. подати. Эта категорія также принята, но съ измѣненіемъ, предложеннымъ Г. Мозбургомъ и

состоящимъ въ томъ, что лица сіи должны занимать извѣстное время мѣста Членовъ Департаментскихъ Генеральныхъ Совѣтовъ, или Коммерческихъ Правленій, которыя даются по избранію. Такимъ образомъ начало избирашества снова вошло въ составъ закона; но, по ходу преній, надобно полагать, что вся сія статья о категоріяхъ будетъ отвергнута, что весьма возможно, потому что по принятіи каждаго параграфа порознь, Палата должна еще будетъ утвердить всю статью вообще. Важнѣйшимъ дѣломъ Министрства и его приверженцевъ будетъ теперь убѣдить Палату отвергнуть предложеніе Г. Биньона о томъ, что Палата Перовъ не должна участвовать въ разсужденіяхъ о семъ законѣ, и что оный долженъ быть утвержденъ только двумя отраслями законодательной власти: Палатою Депутатовъ и Королемъ. Мы будемъ слѣдовать за ходомъ сихъ важныхъ и занимательныхъ преній, отъ которыхъ зависить судьба Франціи, и постараемся представить нашимъ читателямъ полную картину оныхъ.

Правительство съ нѣкотораго времени спарается сбuzдать своеволие Журналовъ, давно уже вышедшее изъ границъ приличія и благоразумія: Издатель Журнала *La Révolution*, оплотившійся политическимъ цинизмомъ и безстыдною клеветою, былъ двадцать три раза подъ судомъ; наконецъ пеня, на него наложенная, истощила залогъ, имъ представленный, и изданіе Газеты его должно было прекратиться. Недавно конфискована программа Газеты *l'Opinion* (общественное мнѣніе).

Партія Карлистовъ видимо усиливается и дѣлается смѣлѣе. Шуаны непрерывно производятъ въ западныхъ Департаментсахъ разныя безчинства: умерщвляютъ людей, извѣстныхъ преданностію своею къ нынѣшнему Правительству, и обезоруживаютъ жителей. Ихъ ободряетъ то, что въ Испаніи собираютъ на границахъ Франціи значительную армію; многіе приверженцы старшей линіи Бурбоновъ шуда перебираются; между прочими одинъ изъ сыновей извѣстнаго Генерала Бурмона съ 70 товарищами прибылъ изъ Порпсмута въ Вилла Гарсію. Въ Пале-Рояль выспавляютъ днемъ поршрешъ Герцога Бордосскаго въ одеждѣ пилигрима; внизу написано, что Генрихъ Французскій спранствуетъ нынѣ по Шотландіи и ожидаетъ дня, когда можно будетъ ему вступить на тронъ Франціи.

Префектъ Сенскаго Департамента учредилъ Коммиссію, которой поручено заняться улучшеніемъ первоначальнаго образованія. Коммиссія сія составлена изъ извѣстныхъ Ученыхъ и Литераторовъ: Барона Кювье, Барона Дежерандо, Г-на Жюсье, Графа А. де Лаборда, Гг. Андріе, Дроза и Жомара.

Говорятъ, что новый Префектъ Полиціи, Г. Сонье, просилъ уже объ увольненіи его отъ сей должности.

Съ нѣкотораго времени принимаютъ строгія мѣры прошиву иностранцевъ: ихъ стараются удалять изъ Парижа, и нѣкоторымъ изъ нихъ, принимавшимъ участіе въ послѣднихъ возмуще-

ніяхъ, велѣно выѣхать опшгуда въ теченіе трехъ дней; почему они подали прошеніе въ Палату Депутатовъ.

Сѣверная армія остается въ своемъ составѣ и готовою къ выступленію; она увеличиваеться новыми войсками, и въ скоромъ времени будетъ состоять изъ 80,000 чел.

Состоящимъ во Французской арміи Бельгійцамъ дозволено перейти въ службу своего опечества.

Правительство недовольно поведеніемъ Генерала Бертезена, командовавшего въ Алжирѣ, и на мѣсто его назначенъ извѣстный Герцогъ Ровиго (Савари).

Эскадра, состоящая подъ начальствомъ Конпрѣ-Адмирала Гюгона, готова уже была къ опправленію въ море, но наканунѣ выхода изъ Тулона получено предписаніе разснастить почти всѣ суда; одинъ только корабль Маренго опправляется къ о. Св. Елены за прахомъ Наполеона, который будетъ положенъ подъ Вандомскою колонною. Въ Тулонѣ и Брестѣ множество маэровъ распущено по домамъ.

Съ острова Гаити пишутъ, что тамъ свирѣпствовала ужаснѣйшая буря, которая почти совершенно разрушила городъ Лекей (les Cayes).

А н г л и я.

Въ засѣданіи Нижней Палаты 10-го Октября Лордъ Эбрингтонъ произнесъ рѣчь, въ которой го-

ворилъ съ большою похвалою о биллѣ, отвергнутомъ Палатою Перовъ, и съ жаромъ хвалилъ поведеніе Министровъ; въ слѣдъ за тѣмъ предложилъ онъ объявить: „что Палата оплакиваетъ „положеніе, въ коемъ находится билль о преобразованіи Нижней Палаты, билль, въ пользу коего „такъ сильно изъявлено народное мнѣніе, и ко- „торый былъ такъ тщательно обсужденъ; что „она долгомъ почитаетъ объявить, что вполне „одобряетъ начала и главные правила сего билля, „и по прежнему возлагаетъ надежду на политическую честность, постоянство и искусство Министровъ, которые, предложивъ сію великую мѣру, дѣйствовали столь согласно съ „драгоценнѣйшими выгодами общества.“ Послѣ продолжительныхъ преній, въ которыхъ особенно отличился Г. Макалей (Macaley), говорившій въ пользу преобразованія, Лордъ Альшорпъ объявилъ, что онъ и товарищи его не остались бы ни на минуточку Министрами, если бы не имѣли твердой надежды заставить принять билль о преобразованіи Парламента, столь же дѣйствительный, какъ тотъ, который отвергла нынѣ Палата Перовъ. Билль сей, конечно, можетъ быть измѣненъ нѣсколько во время преній; но Министерство не намѣрено дѣлать Палатѣ новаго предложенія. Пропивники реформы восторжествовали; но торжество ихъ будетъ непродолжительно, если народъ воздержится отъ насилій и сопротивленій законамъ; ибо только въ такомъ случаѣ можетъ онъ не достигнуть того, чего такъ сильно желаетъ. Предложеніе Лорда Эбрингтона принято боль-

шинствомъ 131 голоса (329 противъ 198) т. е. 22 голосами болѣе того числа, которымъ утверждень били.

Желаніе Лорда Альторпа не исполнилось: не смотря на дѣятельныя мѣры, принятыя Министрами для сохраненія порядка, общественное спокойствіе было во многихъ мѣстахъ нарушено, и народъ производилъ разныя неистовства. 10-го числа послѣ обѣда чернь сполпилась около Парламента и въ окрестныхъ улицахъ; она оскорбила многихъ противниковъ реформы, закидала камнями и грязью карету Герцога Веллингтона, нападала на Сирѣ Роберта Пилля, Маркиза Лондондери и другихъ. Вечеромъ перебили всѣ стекла въ домахъ Герцоговъ Ньюкесльскаго и Норсумберландскаго. 12-го числа народъ поступилъ точно также съ домами Герцога Веллингтона и Графа Дудлея. Маркизь Лондондери, выходя изъ дворца, былъ окруженъ по крайней мѣрѣ 5000 человекъ; камни посыпались на него градомъ; онъ остановился, вынулъ изъ кармана пару пистолетовъ и сказалъ, что застрѣлитъ перваго, кто посмѣетъ къ нему приблизиться; народъ отступилъ, и Маркизь спокойно продолжалъ путь свой; но потомъ за нимъ снова погнались и одинъ камень попалъ ему въ правый високъ; его почти безъ чувствъ перенесли въ домъ Военнаго Министрства; ему пустили кровь, и это принесло большую пользу. Наканунѣ онъ жаловался въ Палатѣ на оскорбленія, наносимыя ему народомъ, прибавивъ, что впрочемъ стеколъ у него не били, потому, что онъ не вставлялъ ихъ съ тѣхъ поръ,

какъ они въ послѣдній разъ были разбиты народомъ. Чернь также напала въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ на Герцога Кумберландскаго, спатила его съ лошади, и Полиція едва могла вырвать его изъ рукъ неистовой толпы. Поршреть Герцога Веллингтона былъ повѣшенъ въ Лондонѣ и Лидсѣ. Въ Ноттингамѣ и Дерби также происходили важные безпорядки: народъ сжегъ до пла великолѣпный замокъ Ноттингамскій, принадлежавшій прежде Королю и находящійся нынѣ во владѣніи Герцога Ньюкеспльскаго, одного изъ самыхъ жаркихъ противниковъ реформы. Многочисленная толпа устремилась было также къ загородному дому Лорда Мидельтона, но ничего не могла сдѣлать, потому что онъ укрѣпился и поставилъ передъ домомъ нѣсколько пушекъ. Въ Дерби дѣло дошло до смерشوубійства, почему войска принуждены были стрѣлять по народу, причемъ семь человѣкъ лишились жизни.

12-го числа сѣверные и восточные Лондонскіе приходы отправились въ Сентъ-Джемскій дворецъ для подачи Королю адреса въ пользу билия. Процессія сія состояла по крайней мѣрѣ изъ 60,000 человѣкъ. Каждый приходъ имѣлъ свои знамена съ приличными обстоятельствомъ надписями; передъ многими несли черные флаги. Посрединѣ ѣхали въ 31 каретѣ городскіе чиновники и передъ ними Лордъ Меръ въ парадной каретѣ, запряженной 6 лошадьми. По предложенію Лорда Мельбурна процессія ввѣрила свой адресъ Депутатамъ Бейнгу (Byng) и

Юму. По возвращеніи въ домъ Г. Бейнга, Г. Юмъ объявилъ народу съ балкона, что онъ поднесъ Королю адресъ, и просилъ его не увольнять Министровъ, употребить всѣ законныя мѣры для того, чтобы заставить Палату Перовъ утвердить билль о реформѣ, и также удалить отъ Двора всѣхъ противниковъ сей мѣры. Король обѣщалъ исполнить сіе желаніе, и объявилъ, что нынѣшнее Министерство пользуется величайшею его довѣренностію; что онъ употребитъ всѣ зависящія отъ него средства для того, чтобы доставить успѣхъ мѣрѣ, столь необходимой для счастія и благосостоянія его народа, и что наконецъ находящіеся при немъ и при Дворѣ его противники реформы будутъ удалены (Въ слѣдствіе сего оставленъ Лордъ Говъ, Каммергеръ Королевы.)

Говорятъ, что назначенія новыхъ Перовъ нынѣ не послѣдуетъ: боясь, чтобы слишкомъ многочисленное пожалованіе не обратило противъ билля нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ его приверженцевъ; но что Парламентъ будетъ распущенъ неѣли черезъ двѣ, по утверженіи нѣкоторыхъ нужныхъ биллей, и по новомъ созваніи онаго вторично предложатъ билль о реформѣ. Надѣются, что тогда Верхняя Палата не осмѣлится отвергнуть его, или, если и отвергнетъ, то нѣкоторые изъ Перовъ, убѣжденные въ томъ, что народъ рѣшительно требуетъ сей мѣры, опасаясь отъ прежнихъ своихъ мнѣній, и большинства голосовъ противъ билля будутъ такъ мало, что

можно будетъ безъ опасенія наименовать нужное число Перовъ. Это говоряшъ въ Курьеръ, Газетъ, пользующейся довѣренностію Минисровъ.

13-го Октябръ Король и Королева давали великолѣпный обѣдъ Ея Высочеству Великой Княгини Елены Павловны.

Н и д е р л а н д ы.

Гага. $\frac{17}{2}$ -го Октябръ, Король открылъ засѣданіе Штатовъ рѣчью, въ которой изложилъ новѣйшія событія, объявилъ, что онъ всеми силами старается достигнуть мира, но что Голландія готова и къ войнѣ; что всѣ Европейскія Державы увѣряютъ его въ своемъ дружествѣ; что съ Государствами, лежащими по Рейну, заключена конвенція о плаваніи по сей рѣкѣ; что жатва была въ нынѣшнемъ году весьма обильна; что хотя торговля, мореплаваніе и промышленность пострадали, но финансы не разстроены; проценты государственнаго долга уплачены, и всѣ издержки, которыхъ требовали умноженіе и содержаніе арміи и флота, уже покрыты.

Брюссель. По чрезвычайной дѣятельности въ Военномъ Минисстерствѣ надобно думать, что въ Бельгіи ожидаютъ возобновленія непріятельскихъ дѣйствій по истеченіи срока перемирія (25 Октября).

Р а з н ы я и з вѣ с т і я.

Надъ главою Дона Мигуэля собирается гроза: экспедиція, предпринимаемая бывшимъ Бразиль-

скимъ Императоромъ Дономъ Педро, живущимъ нынѣ въ Парижѣ, скоро будетъ приведена въ исполненіе. Терсейрское Регентство готовитъ значительную армію, и приглашаетъ всѣхъ находящихся во Франціи Португальскихъ выходцевъ принять участіе въ сей экспедиціи. Донъ Педро принимаетъ въ службу также Испанскихъ и Италіянскихъ выходцевъ; онъ будетъ самъ начальствовать экспедиціею, вѣряя Графу Вилла Флору начальство надъ сухопутными войсками. Между тѣмъ во внутренности Португаліи непрерывно вспыхиваютъ частныя возмущенія, и въ Лиссабонъ прибыли два Англійскіе корабли, составляющіе, какъ говорятъ, авангардъ эскадры, которой поручено истребовать отъ Португальскаго Правительсва удовлетвореніе за оскорбленія, нанесенныя Англійскимъ подданнымъ.

Пшутъ изъ Нью-Йорка, что Италіянца Каррару велѣно выдать Нидерландскому Посланнику для отсылки въ Голландію. Жена Каррары уѣхала изъ Нью-Йорка съ какимъ-то Джономъ Румажемъ, и они прибыли въ Филадельфію подъ чужимъ именемъ; отсюда отправились они въ Ливерпуль, куда послѣдовалъ за ними полицейскій чиновникъ, который надѣется поймать ихъ въ Англіи.

Послѣднія извѣстія изъ Греціи весьма благоприятны для Президента, Графа Каподистрія. Начальники союзныхъ флотовъ дѣятельно ему содѣйствуютъ, и зачинщики возмущенія, вѣроятно,

скоро будутъ выданы. Главный изъ нихъ есть Миаули: эфенди-человѣкъ, оказавшій великія услуги отечеству во время войны за независимость, нанесъ ему нынѣ ужаснѣйшій ударъ сожженіемъ флота.

Разнесся было слухъ, что въ Константинополѣ вспыхнуло возмущеніе; но въ Австрійскомъ Наблюдателѣ говорятъ, что это несправедливо, и что даже пожары въ столицѣ Турецкой Имперіи совершенно прекратились.

22-го Октября.

